

Глава 4. Поместье принца

Главной чертой поместья Лунчжао — резиденции третьего принца Цюй Луныцзюня — была чистота. Идеальная, почти стерильная чистота.

Павильоны, выстроенные строгим симметричным узором, соединялись длинными крытыми галереями. В просторных дворах высились раскидистые серебряные софоры, под которыми ровными рядами цвели низкорослые кустовые розы, перемежаясь с зелёными кустиками благоуханной хлоранты. Осень уже вступила в свои права, лужайки подернулись желтизной, но гладкие, отполированные до блеска синие плиты по-прежнему безупречно складывались в аккуратные, извивающиеся дорожки. Одни вели к пруду, другие терялись среди каменных горok со скрытыми в них беседками, а третьи уходили так далеко вглубь поместья, что конца им не было видно.

Пруд в усадьбе был рукотворным, однако посреди него бил настоящий природный источник. Именно из-за этого бьющего из глубины ключа когда-то и было решено возвести здесь величественное поместье Лунчжао. В полдень и на закате родник оживал, с силой выталкивая со дна бурлящие белоснежные потоки. В сезон дождей струи взлетали высоко вверх, и в рассыпающихся брызгах то и дело вспыхивала радуга. В засуху же источник едва поднимался над поверхностью воды, издавдалека напоминая распутившийся белый лотос.

Такой дивный пейзаж требовал особого обрамления, поэтому вдоль берега обустроили несколько помостов для наблюдения за источником. Самый просторный из них опирался на тридцать восемь колонн. На этой прямоугольной, открытой со всех сторон площадке легко помещалось с десятков столов, за которыми могли свободно расположиться до двадцати гостей. В разгар лета здесь допоздна горели огни, гремела музыка, лилось вино и звенел беззаботный смех. Было нетрудно представить эти пышные пиры, стоит лишь прикрыть глаза — и в ушах уже звучат нежные переливы флейт.

Но встречались у воды и совсем крошечные, изящные беседки на четырёх столбах, рассчитанные всего на двух-трех человек. Мимо одной из таких беседок сейчас и шёл Цин И в сопровождении двух молчаливых гвардейцев. Позади, уныло повесив нос, плелся Мань Юэ, то и дело тяжело вздыхая.

Стерильность поместья бросалась в глаза: несмотря на самый разгар листопада, на дорожках не виднелось ни единого жёлтого листа. В усадьбе держали целый штат слуг, которые целыми днями прочёсывали территорию, вылавливая сачками соринки даже из пруда. Цин И насчитал не меньше тридцати человек, занятых этой монотонной работой.

«Стоит ли так убиваться ради опавших листьев? — не удержался от ворчания Цин И. — Столько рук пропадает впустую...»

— Что? — удивлённо отозвался шедший следом Мань Юэ. — Но ведь вы терпеть не можете листопад, учитель. Сами говорили, что от него веет тоской. Вот принц и приказал слугам убирать каждый листик, чтобы вас не расстраивать.

Цин И застыл как вкопанный. Мозг на секунду словно отключился.

«У этого Е Юаня интрижка с принцем? Или они родственники? Нет, если принц заставляет слуг горбатиться из-за мимолётного настроения лекаря, то первый вариант верен на все девяносто девять процентов. Мать твою, в чьё тело я вообще попал?! Он что, гей?! А учитывая разницу в положении... Ещё и пассив, без вариантов!»

Сам Цин И женщин любил. Красивых, умных, таких как Фэй Юй — очаровательных, хватких, умеющих и делом заправлять, и готовить так, что пальчики оближешь.

А вот его старший брат, Цин Хао, был стопроцентным геем. И Цин И до сих пор не мог до конца понять, почему брат... так к нему относился.

Когда Цин Хао было пятнадцать, а Цин И — одиннадцать, родители повезли их в аквапарк. Счастливый, полный смеха день пролетел незаметно. На обратном пути утомлённый Цин И уснул на заднем сиденье, привалившись к плечу брата. Мать сидела впереди, отец правил машиной. Должно быть, он слишком торопился домой — на крутом повороте не заметил притормозивший грузовик. Легковушка на полной скорости влетела под фуру. Крышу срезало до самой середины салона.

Мальчикам повезло уцелеть лишь потому, что они спали сзади. Но родители погибли на месте. Им буквально снесло головы.

После похорон близкий друг отца, крупный бизнесмен, хотел усыновить Цин Хао. Но тот наотрез отказался расставаться с младшим братом, и богатый покровитель отступился.

Родительского наследства — квартиры и нескольких сотен тысяч юаней — вполне хватило бы на жизнь без всяких приёмных семей. Но закон требовал опекунов для несовершеннолетних. В итоге братьев разлучили: Цин Хао забрал дядя, а Цин И отправили за сотни километров к тётке.

Родственники никогда не одобряли брак их родителей, да и сироты им были не нужны — их интересовали только оставшиеся деньги.

Цин Хао прекрасно это понимал. Перед расставанием он обнял заплаканного, ещё ничего не понимающего братишку и твёрдо сказал:

— Три года. Потерпи всего три года, и я заберу тебя. Мы вернёмся в наш дом. Живи во что бы то ни стало. Обижают тебя, помыкают тобой — терпи и не смей плакать. Вот вернёмся домой, и я буду заботиться о тебе всю жизнь.

И Цин И вытерпел. Три года в чужом городе, в чужой школе, среди чужих людей. В классе его травили, дома изводил тёткин сын. Тётка не поднимала на него руку, но у неё было оружие

пострашнее побоев — удушающее, ледяное равнодушие.

Но Цин Хао сдержал слово. В один дождливый день он появился на пороге тёткиного дома — промокший до нитки, уставший, но непреклонный. Накануне ему исполнилось восемнадцать. Он добирался сутки: сменил три автобуса, несколько километров шёл пешком под ливнем, не сомкнув глаз ни на минуту, только чтобы обнять брата.

Цин И не стал собирать вещи. Он бросил всё — школьный рюкзак, недописанные тетради — и ушёл с братом, не обернувшись ни разу.

Следующие десять лет они прожили в родительской квартире, где всё оставалось нетронутым. Цин Хао поступил в медицинский институт. Цин И позже выбрал тот же вуз — просто потому, что он был ближе всего к дому, и брат мог каждый день возвращаться вовремя, чтобы приготовить ему ужин.

Спустя годы они уже вместе работали в одной больнице традиционной китайской медицины.

Пока не появилась Фэй Юй.

У каждого в этом мире своя трагедия.

Их отношения с братом бесповоротно изменились ещё до её появления. Цин И знал, что любит Фэй Юй, но в глубине души его постоянно грыз червь сомнения:

«А не была ли она просто удобным человеком, появившимся в нужное время? Не пытался ли ты с её помощью заглушить чувство вины и сбежать от реальности?»

Прошлое сплелось в такой тугой узел, что Цин И не мог его распутать. В те дни, когда они существовали троём, жизнь превратилась в сплошной кошмар, сотканный из боли и противоречий.

— Господин Е?

— Учитель!

Голоса выдернули его из пучины воспоминаний.

— Всё в порядке, идём, — глухо отозвался Цин И.

Он оставался бесстрастным, но перед глазами до сих пор кружился призрачный листопад.

Его привели в восточное крыло усадьбы. Над дверью красовалась вывеска с изящными, летящими иероглифами: «Павильон Чистого Душистого Трутника».

— Красивое название, — обронил он.

— Так это вы сами придумали, учитель! И вывеску тоже вы лично написали, — вставил Мань Юэ.

«Ну и болтун же ты, парень».

Цин И решил больше ничего не спрашивать о прежнем хозяине этого тела. Е Юань остался в прошлом, теперь здесь он, Цин И.

Внутри павильон оказался столь же чистым и изысканным. В гостиной стояли изящный гарнитур и чайный набор из белого полупрозрачного нефрита с тонкой росписью — на каждой из пяти чашек красовались разные ветви цветущей сливы. На стенах висели свитки с классической живописью и каллиграфией, в которой Цин И ничего не смыслил. Поморщившись, он прошёл в спальню. Постель, вопреки ожиданиям, оказалась застелена простым белым хлопком без какого-либо шёлка или вышивки. В кабинете слева у стены высился книжный шкаф, где на полках, сверкавших безупречной чистотой, теснились медицинские трактаты. Рукописные свитки и печатные книги были аккуратно перевязаны конопляными бечёвками. Цин И наугад вытянул одну из книг — «Основы лечения болевых синдромов». Вторая половина тетради оставалась чистой; похоже, Е Юань использовал её для собственных заметок и рецептов.

«Изысканный вкус — это, конечно, хорошо, но у Е Юаня он граничил с манерностью. Уличную еду не признавал, вещи требовал исключительно чистые да дорогие, вечно ходил с постной миной, строя из себя благородную девицу... Неудивительно, что в итоге под принца лёг».

Письменный стол из красного дерева в кабинете тоже был прибран. Посередине лежала аккуратная стопка исписанной бумаги, в углу примостилась подставка из палисандра с несколькими вымытыми кистями разной толщины, а рядом — чернильный камень из редкой сине-белой фиолетовой яшмы. Единственным изъяном дорогой вещицы была тонкая прожилка, пересекавшая гладкую поверхность камня.

— Какая жалость, — пробормотал Цин И, легонько проведя пальцем по следу. — Такой великолепный нефрит, и с трещиной.

— Это сине-белая фиолетовая яшма, — раздался за спиной незнакомый голос.

Цин И вздрогнул. Оборачиваться не требовалось — интуиция мгновенно подсказала, кто стоит позади. Хозяин этого поместья.

Цин И опустил глаза. Шаги приближались, и через секунду он властно обнял его со спины. Он обдал его ухо горячим дыханием:

— Я думал, ты больше никогда не вернёшься.

Цин И замер, не шевелясь.

«Знал бы я, что у вас тут такие нежности, ни за что бы сюда не пришёл».

— Я прочёл твоё письмо... — голос принца слегка дрожал, объятия стали крепче. — Я думал, мы расстались навсегда.

В этом голосе сквозили искренняя радость, облегчение и... глубокое чувство вины.

— Письмо? — наострил уши Цин И. — Какое письмо?

— Вот это, — Цюй Луныцзюнь достал из-за пазухи белый конверт. — Я храню его у самого сердца. Прости меня, Юань-эр...

С этими словами принц попытался снова прижать его к себе.

Конверт был тонким, сквозь бумагу проступали очертания изящных иероглифов. Цин И бесцеремонно отстранил Цюй Луныцзюня и быстро достал письмо. Эта холодность больно ранила принца — Е Юань никогда раньше не отталкивал его. Но Цин И было не до чужих обид.

Почерк на бумаге был летящим и аккуратным.

«Цзюнь.

Я прошу Мань Юэ передать тебе это послание, ибо у меня не хватит духу сказать всё в лицо. Я знаю о твоих устремлениях и о том, о чём ты меня просил. Мне всем сердцем хотелось помочь тебе, но, прости, я не могу этого сделать. Я не в силах остановить колесо судьбы, но и принять исход, который грозит тебе, тоже не могу. Прости меня.

Твоя супруга беременна. Я лекарь, мне достаточно было коснуться её запястья, чтобы понять это. Зачем ты лгал мне?

Позаботься о своём ребёнке. Постарайся подарить своей семье счастье — то самое, которое я так остро ощущал эти три месяца рядом с тобой.

Мне пора уходить. Знай, что я любил тебя всем сердцем и люблю до сих пор. Я искренне

пытался остаться, но мои силы иссякли.

Береги себя».

Внизу стояла подпись: «Е Юань».

У Цин И бешено заколотилось сердце. Что-то здесь не сходилось.

Убранный стол, вычищенные кисти... Он бросился к книжному шкафу, лихорадочно перелистывая трактаты. Все книги были аккуратно рассортированы по разделам. «Мне пора уходить»... Если бы он просто возвращался в свою аптеку в Пиньяне, он бы обязательно забрал эти бесценные труды — для любого врача это дело всей жизни.

Цин И замер у шкафа, затем резко повернулся к растерянному принцу:

— Что ты просил его сделать?

Цюй Луньцзюнь не сразу нашёлся что ответить:

— Юань-эр, о чём ты? Что с тобой?

— Говори! О чём ты просил Е Юаня?!

— О ком ты говоришь? Разве ты — не мой Юань-эр? Ты просто переутомился...

— Не заговаривай мне зубы! Отвечай!

Принц отвёл взгляд и неохотно произнёс:

— Перед твоим уходом во дворец я дал тебе шкатулку с медовыми пилюлями иволги и цветов. Их тайно прислали посланники южного племени Цзаньба. Это средство творит чудеса при болях.

— Пилюли иволги и цветов? Что это за дрянь?

Цюй Луньцзюнь отвязал от пояса плоскую золотую коробочку, открыл её и показал несколько тёмно-коричневых шариков.

— Я надеялся, что они облегчат страдания императора.

Цин И взял одну пилюлю, поднёс к носу, затем осторожно лизнул кончиком языка. Горьковато-кислый, ни на что не похожий аромат...

— Это опиум! — выдохнул он. — Они вызывают страшное привыкание!

— Я знаю. И ты это знал, — тихо ответил Цюй Луныцзюнь, и он на мгновение посмотрел с жестокой, ледяной решимостью. — Но император об этом не догадывается.

В этот миг всё встало на свои места. Е Юань, гордый и чистый человек, не вынес того, на что его толкал этот мерзавец. Если бы он согласился, то стал бы хладнокровным убийцей. Император медленно угасал бы от ядовитого снадобья, а Цюй Луныцзюнь выждал бы момент, чтобы поднять мятеж под предлогом спасения страны от безумного тирана, заполучив и трон, и любовь народа. Какая чудовищная, расчётливая подлость!

— Ты... — у Цин И перехватило дыхание.

Когда Е Юань входил во дворец, у него не было при себе никаких лекарств. Смертоносную шкатулку он с собой не взял.

Цин И бессильно опустился на стул, держась за край стола.

Е Юань покончил с собой.

Он не знал, что именно принц наобещал лекарю, но тот явно не собирался отказываться от своих амбиций ради любви. Цюй Луныцзюнь воспринял болезнь брата-императора как подарок судьбы и решил повернуть грязное дело чужими руками.

А несчастный Е Юань накануне ухода во дворец терзался невыносимыми муками совести. Он прибирал свой кабинет, расставлял книги, расчёсывал волосы перед зеркалом, понимая, что идёт на смерть. Он оставил чистую постель, аккуратно сложил шпильки. А человек, ради которого он пожертвовал жизнью, в это время всю готовил почву для продолжения своего рода с законной женой. Е Юань даже о слуге позаботился — оставил Мань Юэ сто лянов серебра, чтобы тот ни в чём не нуждался.

— Юань-эр... что с тобой? — принц сделал шаг навстречу.

Цин И поднял глаза и в упор посмотрел на этого статного, красивого мерзавца.

«Каким же дураком ты был, Е Юань. Отдал жизнь за эту тварь...»

Цин И невольно подумал, что принц, должно быть, шептал лекарю свои гнусные просьбы в моменты наивысшей близости.

«Е Юань, Е Юань... Как назвать твою любовь? Великим самопожертвованием или непроходимой, жалкой глупостью?»

<http://bllate.org/book/20580/2123075>